

СВЕТЛЯЧОК

15.04.2013

№4 (25) Апрель 2013 года

• Край родной

ТОСКА ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОЖНАЯ

Сейчас я житель Конакова. Но большая и лучшая часть моей жизни прошла в Торопецком и Андреапольском районах, существование которых неразрывно связано с Бологое-Полоцкой железной дорогой. Поэтому, услышав о том, что отменяется поезд Бологое-Великие Луки, встревожился. Полистал интернетматериалы, видеофильмы на эту тему, вызвавшие кроме ностальгии желание вмешаться в процесс, как-то защитить последнюю ниточку жизни в этом глубинном и родном уголке, и взялся за перо.

Из истории. Идея строительства Бологое-Полоцкой железной дороги была выдвинута в 1901 году на российско-французском военном совещании; дорога должна была обеспечить возможность переброски российских войск в западном направлении в случае активизации военных действий Германии в восточной Пруссии для выполнения союзнических обязательств России, в связи с чем французская сторона предложила России финансовую помощь. Строительство железнодорожной линии обошлось примерно в 53 миллиона рублей, руководство работами по сооружению линии было поручено инженеру М.М. Герсеванову. Железнодорожная линия прошла по глухим, малонаселённым местам. В январе 1907 года было завершено строительство линии и открыто сквозное движение от Бологого до Полоцка.

О строительстве этой дороги я знаю не только из публикаций официальных, но и из уст собственного деда - Ивана Петровича Петрова, который в нём участвовал. По его же словам, вначале полотно должно было идти в непосредственной близости к деревне Сушино, месту моего рождения, и проходить через деревеньку Мартесово. Но, когда проводили прикидку и обследовали болотистую луговину неподалёку, шуп ушёл под землю более чем на 8 метров. То есть нужно было выбрать болотистую почву в Зыбучем логу или Касьянихе (так называлось в народе это место) на восьмиметровую глубину, подсыпав туда потом плотный грунт. Проектировщики предпочли менее затратный вариант, хотя дорога и удлинялась, её отодвинули на север. Она прошла уже через Мартисово, где и оборудовали железнодорожную станцию.

На это строительство мобилизовывали окрестных крестьян со своей тягловой силой: лошадьми, быками. Они шли на это с охотой: можно было заработать денег. А работы велись масштабные. Выбиралась болотистая почва, засыпался песок. Для обслуживания дороги требовалось электричество, вода. Возводились необходимые помещения и объекты. Всё это нужно было построить с нуля при полном почти отсутствии дорог в этом глухом углу.

Рассказывал дед Иван, как на месте будущей станции Мартисово они устанавливали локомотив, необходимый для выработки электричества. Когда агрегат спустили с платформы возле будущего мартисовского вокзала, он ушёл в болото. Немалых трудов стоило вытащить и установить его.

Для заправки паровозов требовалась вода. Во времена наших дедов к качеству относились с повышенной требовательностью. Сужу вот по чему: в Мартисове находилось своё небольшое озерко, было ещё одно неподалеку, в Захаркине. Сейчас бы, не заморачиваясь, провели воду оттуда, откуда ближе. В те времена, тщательно исследовав качество воды, потянули водопровод по болотистым местам от небольшого озерка в Игнатове (территория колхоза имени Кирова в Андреапольском районе) за шесть километров. Пробы воды именно оттуда показали её высокое

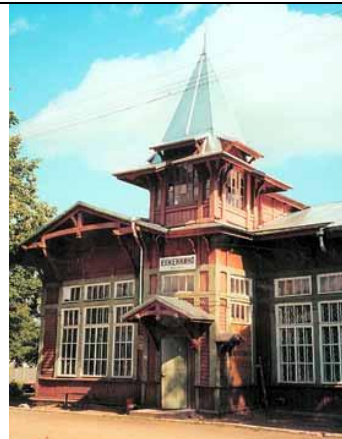
качество, необходимое для того, чтобы паровозная система не зашлаковывалась. Как не снять шляпу перед предками, учитывая нашу сегодняшнюю безалаберность даже при строительстве космических кораблей. Кстати, до сих пор сохранилась дорога, проложенная тогда, вдоль которой тянулся водопровод. Да и водокачка, говорят, ещё стоит. А мои ровесники из Хотилищ помнят, как уже в шестидесятые годы, когда в водопроводе надобность упала, ходили в Мартисово на танцы или по другой надобности «по трубе». Кроме того, из Кирова и Хотилищ «по трубе» ходили на станцию к поезду.

(продолжение на стр.2).

(начало на стр. 1).

Строительство велось быстро (через два года железная дорога уже функционировала), качественно; продумано и учтено было всё до мелочей. И сегодня крепок и надёжен мостик через дорожку, ведущую к деревенскому кладбищу в Васькове, где покоятся мои родители. Там же в Великую Отечественную похоронили моего дядю, Петра Ивановича Петрова, одного из первых председателей Понизовского сельсовета, повешенного фашистами партизана. В 1901 году это была вымощенная камнем дорога от храма к часовне на погосте, по которой проходил в надлежащие дни Крестный ход. Строящееся полотно должно было перерезать эту дорогу. Кто бы сегодня посмотрел на такие мелочи?! А в те времена учли и это. Над дорогой к небольшому сельскому храму, чтобы её не прервать, построили капитальный, на века, железнодорожный мост. Сегодня под ним проходит единственная на моей малой родине дорога из Андреапольского в Торопецкий район.

А какими надёжными и удобными для жилья были железнодорожные казармы, где селился обслуживающий дорогу персонал с семьями. В одном таком доме жил мой школьный друг, у которого я часто бывал. Сохранившиеся строения и сегодня удивляют своей прочностью.

Из истории. Как дорогу магистрального типа, Бологое-Полоцкую сооружали капитально. Предполагалось, что новая линия будет сугубо стратегической. Она пролегла по безлюдной местности "с первобытными условиями приложения населением своего труда" - так гласил "Краткий очерк развития нашей железнодорожной сети", изданный в Санкт-Петербурге в 1913 году. Кому были нужны здесь самобытное зодчество вокзалов, монументальность водонапорных башен с ажурными шатрами, кирпичная кладка депо в стиле древнеримских коллизеев и добротные керосиновые погреба? Ведь любые украшения в архитектуре, тем более в служебной, удорожают и удлинляют строительство. В сущности, это чистой воды перерасход средств! Но, видимо, тогда существовало понятие единого архитектурного стиля, подразумевающего органичное единство, целостность архитектуры, а не безликое однообразие. В желании сделать красивым то, что окружает людей в повседневности, виден человек той эпохи, полагавший красоту основой любого предмета, не допускавший серости, бездушия.

Многие мои детские воспоминания связаны с Бологое-Полоцкой. Недалеко от Мартисова, куда я ходил в школу, есть красивейшее место, называемое местными жителями Швейцарией. Дорога там проходит по высокому, метров в шестьдесят, холму, откуда открывается великолепный вид. Через разрезающую холм речку проложен Житовский мост. Под ним для осмотра и необходимого ремонта были устроены дощатые настилы без ограждений. Для мальчишек пройти над водой по этим доскам, расположенным на огромной высоте, считалось делом чести. Так мы сдавали экзамен на звание настоящего мужчины, на то, что ты стал почти взрослым.

Да и вообще Бологое-Полоцкая для нас была дорогой в жизнь. Только по ней мама возила в соседний Торопец лечить заболевшие зубы, по ней ездил потом в Торопецкую среднюю школу, в Великие Луки поступать в институт, по ней же, став взрослым, отправлял жену в роддом на специально вызванном для этого случая паровозе.

Когда читал в Интернете о Бологое-Полоцкой, то и дело встречался с эпитетами, которыми авторы статей её наделяли: «заповедная», «уникальная», «самобытная». Как с этим не согласиться. И как это не сохранить?! Тем более что Бологое-Полоцкая до сих пор остается единственным средством сообщения во многих местах Тверской и Псковской областей, да и стратегического своего значения она не утратила. Но то и дело возникают разговоры о ее закрытии. Первый шаг в этом направлении уже сделан.

**Виктор Петров,
г. Конаково**

**На снимках: такой мостик проложен
над нашей дорогой к храму; вокзал на станции Куженкино.**

(продолжение, начало в №13(21) за 2012г., №1(22) - №3 (24) за 2013г.).

Наше время похоже на странный коллаж

Смирнов Юрий Алексеевич

(Любино – Торжок – Маслово)

Дневники 1980 – 2012 гг.
1985

14.11

Я окончательно запутался. Единственная отдушина – книги. Сейчас Ромен Ролан, Л. Толстой, Горький, Лемм Станислав. Всё остальное, что называют реальностью, для меня, наоборот, не реально. Зачем я вообще занимаюсь тем, к чему никогда не стремился и не стремлюсь? <...>

<...> А ведь всё начиналось с наивной детской игры: загадай на звёздочку – желание и сбудется. Я загадал, но, видимо, напутала та звёздочка что-то.

30.11

Ничего так не утомляет, как процесс мышления. Но нет ничего приятнее состояния, когда додумался до чего-то путного.

3.12

Война перевернула и круто изменила привычную жизнь, вторглась помимо воли людей в их частную жизнь, в их души, накрепко связала все судьбы людей одной неразрывной нитью. Испытания, гибель близких людей помогли глубже понять друг друга, иначе, как бы со стороны, взглянуть на самих себя. Кажется, об этом в повести А. Алексина «Ивашов».

9.12

«Маяковский в неслыханной вещи «Облако в штанах» заставил плакать Горького. Он бросает читателя под ноги бешеных слонов, вскормленных его ненавистью. Бич голоса разжигает их ярость». – Это поразительные слова В. Хлебникова о поэте. Мне понятны чувства Горького. Я сам раз за разом перечитываю и не могу «отделаться» от «Облака в штанах» и «Флейты-позвоночника». И каждый раз читаю, как будто в первый раз, с интересом и волнением.

Умер дедушка. Когда хоронили Сашу Кудрявцева или когда написали в армию, что погиб Гена Фёдоров, было больнее. Почему? Что это? Духовная и душевная чёрствость? Или я слишком отдалён от своей родни и живу сам по себе и в себе? Почему?

25.12

Заболел Серёжа. Невыносимо больно слышать его сухой хрипящий кашель и стоны. Будто душа вырывается вон, наружу. Неужели можно так мучиться?

1986

8.01

Пришёл Новый год, а чувство одиночества осталось и даже стало ещё острее. Чаще вспоминается детство, Чернушка, пожар, наша любинская речка, где мы карапузами ловили раков и вилками били рыбу. Там не было одиночества, не было этого гложащего душу чувства. Но когда же оно появилось? И что этому причина?

14.01

Опять в запое. Так легче и лучше, но только когда пьян. Трезвость – обух по голове. Водка ничего не решает. Боже, до чего я скучен самому себе. А людям? Наверное, скучен вдвойне.

23.01

Услышанный рассказ. В одном из посёлков Калининградской области умер человек (область, кажется, Калининградская) и его посмертно наградили ... выговором «по партийной линии» за прогул и лишили годовых премиальных. А у него просто с сердцем было плохо, и в метель по дороге на ферму он умер, и его занесло снегом. Нашли спустя недели.

Равнодушие, невнимательность и подлость.

(продолжение на стр. 4).

(начало на стр.3).

28.01

Дорога – символ разума, эволюции человека. Надо вечно пребывать в движении.

19.02

Сколько вокруг счастливых, улыбающихся людей. Сколько тёплых, доверчивых глаз. Но всё как-то беззаботно. Может быть, так и надо? Плыть по течению, авось куда-нибудь да вынесет. До чёртиков надоело быть один на один с собой. Неужели это на всю жизнь: грустно и страшно.

24.04

«Фестончики, всё фестончики...» – «монтана, бананы...». Вечная тема и вечная проблема – мода, от Гомера до Гоголя, от Гоголя и до нас. Ладно бы ещё шли эти «фестончики», эти «бананы», а то ведь и смотреть стыдно: мини на корове, клёши на шесте. А всё – вкус и ... воспитание.

24.06

Погода – дрянь... Настроение – сродни погоде. Впереди вступительные экзамены, и их надо сдать. А делать ничего не хочется. Разве что в лес или на рыбалку на пруд.

Одно счастье – книги. Много читаю и многое для себя открываю заново. Иногда мучаюсь прошлым. Страшно.

1.07

Что такое мера? И в чём она? Где мера совести? Страх? Смелости? Дружбы? Любви? И что она для меня?

5.07

Здорово Белинский, эмоционально, убедительно. Но всё-таки нет того восторга, с которым читал Шевырёва о «Мёртвых душах» в Сахарове в «Дилетанте» Ю.А. Баскакова.

Перечёл «Мать» Горького. Раньше роман нравился больше. Видимо, мой романтический пыл остыл, а то, что родилось на его месте, с сомнением смотрит на явно тенденциозный и неудачный роман.

16.07

Нужно заставить себя работать и поступить в университет. Я же этого очень хочу. А если хочу, стоит ли быть расхоложенным.

26.07

В. Маяковский «Владимир Ильич Ленин». Хорошие стихи. Энергетика строк волнует сильнее энергетика истории в поэме.

12.08

Поступил в университет. Добился того, чего хотел. А дальше? Дальше нужно – жить.

16.08

Перечёл «Илиаду» и «Одиссея» Гомера. Поразительно ярок и богат красками мир древних греков. А я, кроме «Мифов и легенд» Куна, практически ничего не читал об этом удивительном мире. Да и нечего было – сельские библиотеки по сравнению с университетской просто убоги. Хотя Сенека говорил, что лучше знать малое, но знать глубоко, а не хвататься без толку за многое, я ж – наоборот – хватаюсь за многое, всё интересно. Правда, результатов что-то не видно. Может быть, этот Сенека прав, и тогда срочно придётся себя ломать. Это первое.

Второе: чтобы понять литературное движение, точнее, движение литературы, нужно хорошо знать историю. Школьная история – скучный набор дат и плохо связанных друг с другом событий. Надо по-новому заняться изучением истории.

17.08

По телевизору стихи К. Симонова в исполнении Л. Гурченко. Песни на его стихи она пела здорово – до мурашек на теле и «горьковских» слёз, а вот читала манерно, нехорошо. Такие стихи надо читать просто, без пафоса, доверительно, как письма читают раненым в больничной палате: «Жди меня...».

(продолжение следует).

• Гости клуба
**Владимир
Балахонов**

*Он живёт в Нелидове,
но в Андреаполе
бывает часто: на
поэтических встречах,
в гостях у брата, работающего хирургом в
Андреапольской больнице.*

* * *

Там, где речка бежит по камням,
Огибая песчаный плёс,
На холме средь белых берёз
Я хотел бы воздвигнуть храм.

Я хотел бы воздвигнуть храм
Высотой до синих небес,
Чтоб оттуда в напутствие нам
Ярче солнца светил бы крест.

Я хотел бы воздвигнуть храм
По канонам, что древне-строги,
Чтоб ни злоба врагов, ни ветра
Стен святых одолеть не смогли.

Я хотел бы воздвигнуть храм
С Божьей помощью и друзей,
Чтобы вместе молиться нам
О единстве наших путей.

Я хотел бы воздвигнуть храм...

* * *

Какое счастье Женщину любить,
Не ведая душевного покоя,
И, Провидению не смея возразить,
Так жить прекрасной, но
несбыточной мечтою.

Какое счастье Женщину любить,
Ее улыбкою довольствуясь одною:
Ведь столько радости не может
подарить
И целый мир весеннею порою!

Какое счастье Женщину любить,
Не прикасаясь страстною рукою,
И лишь в молитвах ей благоворить,
Во храме предстоя у анаоя.

Какое счастье Женщину любить
За светлое к судьбе твоей участие,
И Провиденье от души благодарить
За посланное трепетное Счастье!

* * *

Всё полней наливается рожь
Ярым мёдом лучей заревых.
Блещет солнца янтарная брошь
На широкой груди синевы.

Духу летнему нынче разгул,
Бледный месяц согнулся в дугу.
Наливает мне в душу свой гул
Жёлтый колокол пчёл на лугу.

Ну и где твоя трель, соловей?
Ты ослаб от любовных потуг,
А кузнечик стрекочет живею -
Лета тёплого маленький друг.

Ах, ты, лето - цветной палисад!
Ах, огнём полыхнувший кипрей!
Облака в небе золотом горят -
Куполами летящих церквей!

Маленькая девочка на плечах у папы,
А над нею небо - голубою шляпой.

Маленькая девочка весело смеётся,
Детская улыбка - маленькое солнце.

Вот за лесом солнышко алое садится,
Маленькая девочка смотрит заряницу,

Смотрит упоительно, как на Божье чудо,
А в глазах доверчивых – её детства утро.

КОЗЕ

Пойдём с тобою на поляну
И станем собирать цветы:
Ты, Зорька, в фонд материальный,
А я в букет для красоты.

* * *

Шум листвы мне тайнозвонный
поводырь
в край лесов - уединённый
монастырь.
В мир закатов и рассветов
тишины.
В мир молитвенного света
глубины.
Мне погода-непогода
не беда:
подружился я с природой
навсегда.
Заметёт избушку снегом -
так теплей,
а в избе с лампадным светом
веселей.

Владимир Юринов

На картах не значится

Оглядываясь на эпоху: записки лейтенанта

Авиационные перелёты в то время были вполне доступным удовольствием. Так билет Хабаровск – Москва стоил чуть больше ста рублей, что при повышенных дальневосточных зарплатах позволяло среднестатистическому местному работяге на одну получку совершенно спокойно слетать туда-обратно.

Центром авиационного сообщения в те годы был Хабаровск. Летали на Москву самолёты и из Благовещенска, и из Владивостока, летали из Петропавловска-Камчатского и Южно-Сахалинска, из Магадана и Комсомольска-на-Амуре, но это всё были единичные рейсы. Из Хабаровска же на Москву самолёты уходили практически каждый час, кроме того, с Хабаровска, в отличие от почти всех прочих дальневосточных аэропортов, самолёты летали и в другие города Советского Союза. Поэтому большое количество авиапассажиров с того же Петропавловска или с Сахалина вначале добирались местными рейсами до Хабаровска, а уже из него летели на запад.

В осенне-зимний период улететь на Москву обычно не представляло собой большого труда – билеты в кассах были. Совсем другое дело – лето, пора школьных каникул и предпраздничные дни.

В это время пассажиропоток увеличивался в разы, и, несмотря на добавочные рейсы, купить билет прямо в аэропорту перед вылетом становилось делом практически невозможным. А купить билет заблаговременно могли только жители крупных городов. Опять же, учитывая специфику процесса ухода в отпуск в Вооружённых Силах, когда военнослужащий чаще всего узнаёт, что он находится в законном отпуске – «со вчерашнего дня», предварительная покупка билета оставалась для нас несбыточной мечтой. Поэтому приезжали мы в хабаровский аэропорт всегда под девизом: «Назад дороги нет!» и правдами и неправдами пытались улететь на запад. Именно «на запад». Поскольку, по большому счёту, нам было всё равно куда лететь – лишь бы выбраться «из-за Кривого Озера», то бишь Байкала. А там, дальше, – проще, там – цивилизация, там – «Европа». За свою богатую «аэрофлотовскую» практику я летал в свой родной Гомель через Новосибирск и Куйбышев, через Свердловск и Горький, и даже через Минеральные Воды. Летал, понятное дело, и через Москву. Но самым уникальным перелётом для меня стал путь домой в декабре 1987-го, накануне новогодних праздников.

Получив на руки отпускной 25 декабря, я 26-го рано утром был уже в хабаровском аэропорту. Отстояв очередь в кассу, я протянул в окошечко своё удостоверение и обязательную в этих случаях шоколадку:

– Девушка, мне – на сегодня, на запад.

Девушка пощёлкала клавишами и разочарованно констатировала:

– На сегодня ничего нет.

– Девушка, очень надо, – проникновенно попросил я, продвигая в окошечко ещё одну шоколадку.

Девушка снова – на этот раз уже чуть подольше – пощёлкала по клавишам и подняла на меня глаза:

– Вам всё равно, как лететь?

– Абсолютно.

(продолжение на стр.7).

(начало на стр.6).

– Есть одно место на рейс Владивосток – Ленинград на тринадцать часов. А через час уходит самолёт на Владивосток. На него тоже есть места. Вы успеваете. Полетите?..

Разумеется, я полетел.

Из Хабаровска – во Владивосток, оттуда почти сразу – на Ленинград, из Ленинграда – на Москву, из Москвы – на Гомель. Разложите перед собой карту и оцените размах этого перелёта. Тем не менее, благодаря разнице во времени, которая при перелётах с востока на запад играет на руку путешествующему, я приземлился в гомельском аэропорту в 22 часа тех же суток.

Теперь перейдём к транспорту железнодорожному. О, тут есть о чём порассказать!

Ну, начнём хотя бы с того, что никто из проживавших восточнее Байкала никогда не покупал билетов на поезд заранее, если ехал на восток. Почему? А потому что это было делом бессмысленным – поезда приходили «из Европы» на Дальний Восток с 10-20 часовым опозданием. Это касалось поездов скорых. Для обычных же, пассажирских, а тем паче, багажно-пассажирских – нередки были и двухсуточные опоздания. Поэтому, приезжая на станцию, никто никогда не шёл к расписанию поездов, все сразу направлялись прямо к кассе и задавали кассиру стандартный вопрос: «Что ближайшее на восток?». И вполне обыкновенно покупали билет и ехали куда надо на «вчерашнем московском» или даже «позавчерашнем харьковском».

Единственным исключением из этого правила были поезда местные, типа «Шимановск – Благовещенск» или, к примеру, «Нерюнгри – Хабаровск». Эти ходили близко, повторяюсь – близко, к расписанию. Их опоздание обычно укладывалось в каких-нибудь два-три часа.

Исходя из вышеизложенного, дальневосточники из «Европы» на Дальний Восток поездами практически никогда не ездили – хлопотно, до тошноты долго да ещё и непредсказуемо по времени.

Ещё одной особенностью дальневосточного железнодорожного сообщения было то, что никого из уезжавших не волновало отсутствие билетов в кассе. Нет, волновало, конечно, но как-то так, не очень. Поскольку все знали, что всё равно уедут. Проходящий состав практически всегда забирал всех желающих. Кроме того, часто на станциях останавливались и товарняки. Поэтому у всякого дальневосточника, прожившего там достаточно долгое время, всегда есть в запасе несколько застольных историй о том, как он ехал туда-то и туда-то: в купе проводника (разумеется, в компании с симпатичной проводницей), в тамбуре, в почтовом (багажном) вагоне или даже в жилом отсеке вагона-рефрижератора. Мой родной брат, например, прослуживший на Дальнем Востоке без малого десять лет, любит рассказывать леденящую душу историю о том, как он однажды, лютой зимой, вёз свою сильно беременную жену из Облучья в Хабаровск в кабине тепловоза.

Причём, необходимо отметить, что тогда безбилетного пассажира чаще всего пускали в служебные помещения абсолютно бесплатно. Так сказать, в порядке дружеской взаимопомощи, что, согласитесь, уж совершенно немыслимо по меркам нынешнего собачье-меркантильного времени.

Есть своя железнодорожная история и у меня.

Дело было в конце 88-го. Как-то на выходных решили мы с супругой навестить моего брата. Да-да, того самого, что служил в упомянутом уже тут Облучье. Ну, решили и решили. Делов-то – триста пятьдесят километров в один конец. По дальневосточным меркам – это вообще не расстояние. На автобусе добрались до Белогорска, пришли на вокзал, где выяснилось, что ближайший пассажирский на восток будет, скорее всего, часов через пять-шесть. Жена, на тот момент ещё совсем недавно приехавшая в Орловку, приуныла. Я же, как опытный дальневосточник, стал искать варианты и тут же заинтересовался у кассирши: а что это, мол, за поезд такой стоит себе спокойненько на третьем пути? Кассирша ответила, что это – вчерашний почтово-багажный «Харьков – Хабаровск» и что отправится он уже вот-вот, как только зелёный дадут. «Ага!..» – сказал я и, схватив жену, помчался к составу.

Возле одного из вагонов курили двое. Одеты они были явно не по-зимнему – в свитера, разношенные «треники» и тапочки. Лица их имели тот неповторимый сероватый оттенок, который присущ людям редко умывающимся, но часто топящим печь углём. Этих признаков было вполне достаточно, чтобы заподозрить в курящих их служебную принадлежность к тогда ещё вполне уважаемому почтово-багажному ведомству.

(продолжение на стр.8).

(начало на стр.6-7).

– До Облучья возьмёте? – сразу перешёл я к сути вопроса.

Курящие, щурясь сквозь дым, некоторое время изучающе разглядывали нас.

– Вас двое?

– Двое, – подтвердил я.

– А это что, гитара? – кивнул один из них на чехол за моей спиной.

– Гитара.

– Вы что, поёте?

– Ну... в общем, да, поём, – не стал отпираться я.

– Возьмём, – решил тот, что был немного постарше. – Только с условием, что будут песни.

И нас взяли.

До самого Облучья мы ублажали почтовых работников бардовскими песнями. Надо сказать, что хозяева в долгу не остались. Мало того, что они всю дорогу поили нас изумительно ароматным чаем, так ещё и угощали нас разными редкими в те времена вкусоностями: то копчёной колбаской, то конфетами «Птичье молоко», то свежими сливами (и это в ноябре!), то замечательной курагой. В Облучье мы расстались практически друзьями.

– Послушай, – задумчиво сказала мне жена, когда мы шли с облучинского вокзала к дому моего брата, – откуда у них весь этот дефицит?

– Как откуда? – удивился я. – Разумеется, из посылок.

– Из каких посылок? – удивилась жена. – Они же все...

И тут до неё дошло. Надо сказать, что жена моя в ту пору была восемнадцатилетней девчонкой, примерной комсомолкой, и, было похоже, что её наивно-коммунистическое мировоззрение получило в этот момент довольно ощутимую пробоину.

– Так это что же?... – глядя на меня широко раскрытыми глазами, прошептала жена. – Это получается... воровство?!

Я, хотя и был убеждённым коммунистом, но на тот момент уже никаких иллюзий по поводу нашей социалистической действительности не питал и заверил её, что речь в данном конкретном случае нужно вести не столько о воровстве, сколько о банальном почтово-транспортном налоге.

– Ну, посуди сама, – убеждал я её, – без малого десять суток в пути. Бессонные ночи. Сквозняки. Сухомятка. А тут прямо под боком – Клондайк, пещера Алладина, «Сим-сим, откройся!». Разве тут устоишь?... Да и берут они, наверняка, не всё. В худшем случае половинят...

О том, что берут действительно не всё, я в скором времени убедился на собственном опыте. Но это, как говорится, совсем другая история.

Теперь несколько слов надо сказать о транспорте автомобильном. Он, как водится, подразделяется на транспорт личный и транспорт общественный. Об общественном вначале и поговорим.

Итак, автобусы. Самыми ходовыми в тех краях, конечно же, были «пазики». Ходовыми, в смысле, – распространёнными. Об их истинных ходовых качествах надо говорить отдельно и стихами. То есть – в рифму.

О, эти «пазики»! О, эти глотатели рытвин и колдобин! О, эти беспощадные монстры бездорожья! Именно они, эти замечательные, эти родные до боли в сердце, до инфаркта, проклятушие кургузые «пазики», эти безрессорные, пыльно-сквознячные, скрипуче-гремящие рыдваны выполняли на дальневосточных просторах роль связующего звена между железнодорожными станциями и отстоящими от них на многие десятки, а то и на сотни километров, населёнными пунктами.

Автобусы отправлялись в путь от автостанций, по обычаю совмещённых с железнодорожным вокзалом. Отправлялись строго по расписанию. Если в расписании было написано, что автобус, положим, на Новокиевский Увал отправляется в 7.40, то, будьте уверены, он и отправлялся туда не позже половины девятого. Обратное же прибытие автобуса в расписании не рассматривалось даже чисто гипотетически. Уж как приедет, так приедет. Лишь бы приехал.

(продолжение на стр. 9).

(начало на стр. 6-8)

Посадка в автобус обычно выглядела так: пассажиры – с сумками, баулами, детьми и прочей живностью – купив билеты (а билеты продавались всем желающим без исключения, вне зависимости от количества посадочных мест в автобусе) сосредотачивались возле своего автобуса, отыскивая оный на привокзальной стоянке по соответствующей табличке за ветровым стеклом. Дождавшись времени отправления, заявленного в расписании, пассажиры отжимали двери и оккупировали салон, размещаясь в нём по справедливому принципу: «кто куда успел». Спустя 10 – 20 – 30 минут возле автобуса появлялись водитель и контролёр. Водитель забирался на своё место, а контролёр, засунув голову в дверной проём, максимально громко вопрошал: «Все с билетами?!». Получив многоголосый утвердительный ответ, контролёр с чувством выполненного долга возвращался к себе в дежурку, а автобус закрывал двери и трогался в путь.

В сторону Орловки от серышевского вокзала уходило четыре или пять автобусов утром и ещё два после обеда. Вроде бы и немало. Трагедия же заключалась в том, что последний автобус уходил в 15.45. Если же вам, упаси господи, суждено было попасть в Серышево позже указанного времени, то участь ваша была печальна. Вам оставалось два пути: либо идти в гостиницу и пытаться устроиться на ночлег, и уезжать на Орловку уже утром, либо – быстренько бежать через весь город на «пятак» (вытопанное до бетонной твёрдости место на обочине, метрах в ста от черты города, за последним перекрёстком) и там ждать попутную машину. Не ловить, а именно ждать. Поскольку, если машина шла, то, увидев томящегося на обочине, она останавливалась по-любому. Даже без поднятия с вашей стороны руки. Вся беда была в том, что попутных машин в направлении Орловки практически не ходило – никаких промышленных объектов в той стороне не было, а частного транспорта в те времена в тех краях ещё не водилось. Впрочем, о частном транспорте речь впереди. Поэтому чаще всего, отстояв на «пятаке» некоторое время, зависящее от вашей терпеливости (а зимой и от морозостойкости), вы всё равно шли в гостиницу и уезжали домой утром.

(продолжение следует).

• Новые стихи

Наталья Шабанова

ПРИХОД ВЕСНЫ

Лес ещё голый,
Но дымкой легка
Ветви подёрнул седые.
Тянутся к солнцу
Сквозь куш облака
Ветки берёз молодые.
Нежным атласом
Белеют вдали
Стройные гибкие станы.
Чуть лишь прогреется
Кромка земли-
И зашумят великаны.
Птичьими трелями
Жить будет лес,
Негой своей весенней.
И благодать
Разольётся с небес
Жизнью по всей Вселенной!

АПРЕЛЬ

Русь белоствольная и вольная
Весенней свежести полна.
Её леса, поля раздольные
Уже покинула зима.

На взгорках дружными семейками
Желтеют первые цветы.
Берёзы стройными аллеями
Венчают праздник красоты.

С небес струится свет лазуревый,
И льётся жаворонка трель.
К нам возвращается причудливый
Капризный и смешной апрель.

ВЕСНОЙ

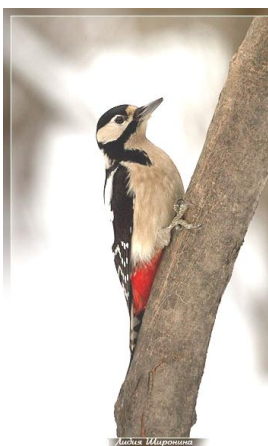
На талой лужайке
Под старой сосной
Подснежники тесно
Гнезятся.

И синие глазки
Фиалки лесной
К травинкам
Готовы прижаться.

У дряхлого пня
Копшатся жучки:
Их солнце весны
Разбудило.

Из норок выползли
Все паучки-
Такая у жизни сила!

• Готовится к печати: «А у нас во дворе»

Валентин Пажетнов

Петрович

РАССКАЗ

Весна в этом году как будто специально запоздала, чтобы набраться силы, а потом широко и властно набросить своё цветастое платье на бубоницкий лес. В считанные дни по

бугоркам прорезались скромные цветки мать-и-мачехи, в лесу расстелилась белым горошком по зелёному полю скатерть ветреницы дубравной. Острой косыночкой прорезались из земли первые листочки ландыша, раздвинув слежавшийся в зиму лесной опад. С утра и до вечера сухой барабанной дробью рассыпается по лесу брачный перестук дятлов. Только в самый полдень заметно стихают их переключки, чтобы к вечеру возродиться с новой силой! Второй год подряд в деревне проживает знакомый жителям малый пестрый дятел, которого за деловитость и постоянство кто-то метко назвал Петровичем. Зимой в каждый день можно было слышать его работу – мерное постукивание на одном и то же месте. Под «кузницу» он выбрал старый, деревянный электрический столб. При капитальном ремонте электролинии в далёком теперь 1988 году за неимением новых столбов поставили несколько штук старых, ещё крепких на вид. В одном из них, который стоит рядом с самым людным местом, около остановки автолавки, Петрович и сделал для себя кузницу-столовую. Аккуратно расширил в столбе образовавшуюся от старости небольшую щель так, что получилось удобное отверстие для того, чтобы в него можно было надёжно вставить для обработки сосновую шишку. Сюда он приносил из леса сосновые шишки, все одинакового небольшого размера, из которых и добывал семена – свой зимний корм. Вставит шишку и колотит её клювом, поворачивая при этом изящную головку то в одну, то в другую сторону так, чтобы было удобней раскрывать на шишке чешуйки. Покормится и улетит, а в расщелине остаётся торчать мохнатая от разбитых чешуек шишка. В следующий свой прилёт, с новой шишкой, Петрович присаживался на столб рядом со щелью, ловко поддевал и выбрасывал из неё старую и вставлял новую шишку. Нередко работа Петровича вызывала у жителей, собиравшихся в этом месте в ожидании автолавки, эмоциональные обсуждения яркого наряда Петровича, восхищения по поводу его работоспособности, умения разбивать шишки, работая при этом клювом с необыкновенной быстротой, опираясь для удобства хвостом на столб. При этом люди вовсе не сдерживали своего восторга, разговаривали громко, жестикулировали, на что Петрович, казалось, не обращал никакого внимания. Однако когда кто-нибудь из собравшихся начинал подходить к столбу поближе, чтобы лучше рассмотреть Петровича, дятел прекращал работу, настораживался и, оценив приближающегося к его территории человека, как существо, возможно, опасное – улетал.

За всю зиму лишь несколько раз Петрович пропадал и не появлялся на своём столбе по три – пять дней. У жителей деревни его отсутствие вызывало беспокойство. Оставаться без корма эта птица долго не может, а опасностей в лесу много. Петрович мог угодить и в когтистые лапы ястреба, и попасть «на зуб» пронырливой лесной кунице. Но дятел через время объявлялся, приносил в свою кузницу сосновую шишку, и его весёлый дробный стук, доносившийся со знакомого столба, вызывал нескрываемую радость у всех, кто проживал в маленькой деревне. У жителей возвращение Петровича обсуждалось как самое главное событие в текущем времени. По всей вероятности, у Петровича были в лесу другие места, в которых он оставался жить по несколько дней, но столб у дороги оставался его самой главной, основной «кузницей» в продолжение двух лет.

Май принёс в лес своё тепло, особое, которое круто меняет жизнь всех лесных птиц и тех, кто оставался зимовать, и тех, кто прилетел в родные края из земель далёких, благодатных своим теплом, да чуждых пернатым жителям по родству своему. В короткое время нужно и гнёзда построить, и потомство выкормить, чтобы через летне-осеннюю благодать молодняк успел к холодам силушки набраться и умение обрести. Чтобы своим, местным, зиму лютую пережить, а кочевникам к тёплым южным зимовкам невредимыми добраться. Улетел от своего столба и Петрович. Где-то в Бубоницком бору есть у него заветное дупло, в котором он с подругой будет выращивать деток, старательно добывая для них уже другой, летний корм – насекомых, многие из которых являются для леса, для отдельных деревьев и кустарников заклятыми врагами. Потому и называют люди дятла лесным доктором. Много разных дятлов живёт в нашем Торопецком лесу.

Будем надеяться, что все беды обойдут знакомого нам Петровича стороной, и к началу зимы он вновь объявится у своего столба на радость всем жителям.

• Весенние мотивы

МАРТ

Февраль. Достать чернил и плакать...

Л. Пастернак

Не февраль, а март. Но та же слякоть.
 Так же снег дождём к земле пришит.
 Так же хочется писать и плакать,
 Верить в эту жизнь, как в миражи.

Но грачи летят ещё далёко
 И не скоро обживут места,
 Где уже всё умерло до срока,
 Где земля безлюдна и пуста.

Мы живой метафорой не вскроем
 Вен, где кровь остыла навсегда.
 Кажется: кукушка там, за домом,
 Медленно считает нам года.

Юрий Смирнов,
 Торжок - Андреаполь

ВЕСНЕ НАВСТРЕЧУ

Вновь глупа - опять смеёшься часто,
 Ах, весна, ты к нам с дождём идёшь
 По снегам, по утреннему насту,
 Он ведь рухнет, талый.
 - Ну и что ж?

Ну и что же, будет после снега?
 Зацветут черёмуха, жасмин.
 И по телу заиграет нега
 Ароматов, чтобы в день один

Все цветы слетели с пышной липы.
 Так вот снова блещет лунный свет
 В той аллее, где кричали выпи
 И тому смеялись, чего нет.

А ведь ты была! Весна-веснянка,
 Лето дало волю – пой, гуляй!
 И зимой, катаясь в лёгких санках
 Люди вспомнят, как душист был май.

Ты. Они. Кому всё это надо?
 Только клином вышибают клин.
 Я тебя любила! Вот досада -
 Кто-то всё ж останется один.

Кто-то, но не май, убрав улыбку.
 Ах, весна, иди же, раз цветёшь
 Буйством чувств. Всё в мире этом зыбко.
 Дождь идёт, чтоб в поле пала рожь.

Татьяна Лапко,
 Великие Луки – Андреаполь

* * *

Головой живём теперь, не сердцем:
 Без восторгов, потрясений, грёз,
 Не звучит стремительное скерцо
 Под весенним пологом берёз.

Вещих снов не слушаем подсказки,
 Тень предчувствий больше не томит,
 Будто бы на волшебство и сказки
 Век минувший исчерпал лимит.

Предпочтём дорогам постоянство,
 Вид дисплея – красоте небес.
 Расширяем логики пространство,
 Вырубая заросли чудес.

Маргарита Петрова,
 Андреаполь

* * *

Я расстроен чрезвычайно
 Нынешней напастью:
 За собой не замечаю
 Ни намёка страсти.

Как же так? Весна, грачи
 Долбят снег вчерашний,
 И ни на волос, ни на чих
 Мне не сносит башню.

Раньше ведь (не счесть разы)
 Глянeshь на люблюю:
 Сразу вспышка, тут же взрыв
 Или просто буря.

А теперь глядишь им вслед
 Без движенья крови,
 Только мысли: «Курит? Нет?
 Хорошо ль готовит?
 Лучше б, ежели с жильём,
 Штопала б прилично...»
 Да, старею!!! Ё моё!!!
 Становлюсь практичным.

Пётр Бобунов,
 Нелидово

Александр Павлов

Скамейка

РАССКАЗ

Эта скамейка, вся изрезанная ножами, исписанная фломастерами и авторучками фразами признания в любви, была любимым местом отдыха и работы Борисыча. Летом на ней можно было отдохнуть в знойный день, спрятавшись от палящего солнца (рядом росли толстоствольные липы), зимой её не так заносило снегом. Работать же он любил на ней потому, что сидя здесь, всё происходящее было, как на ладони. Вся жизнь школы-интерната была видна, как под микроскопом. Посидев здесь несколько минут, Борисыч знал, у кого какое настроение, кто и чем расстроен, а кто сегодня особенно весел. Но был у скамейки один недостаток: она располагалась почти напротив главного входа в школу, а это значило, что руководство школы, увидев сидящего на скамейке сотрудника, могло сделать вывод: «Опять сидит, бездельник». Но его это мало волновало, поскольку он знал, что делает.

Кабинета он не любил. Да и какой это был кабинет: стол, стул и два окна на северную сторону. А если учесть, что под этими окнами росли огромные ели, заслонявшие собой весь белый свет, то создавалось впечатление, что он находится в каком-то подземельи. Вот поэтому и привлекала его скамейка.

Задачи, стоявшие перед Борисычем, были направлены на всестороннее изучение личности воспитанников школы-интерната. Методов и способов достижения этой цели множество, но он предпочитал живую беседу, наблюдение и эксперимент. Никаких тестов. И вот таким полигоном для достижения поставленной цели и служила скамейка. На ней можно было непринуждённо, не торопясь, разговаривать о чём хочешь и сколько хочешь.

Он никого специально не звал. Ребята подходили сами. Кто за тем, чтобы потянуть время и не пойти на урок, кто за тем (что греха таить), чтобы попросить сигарету, а кто и за тем, чтобы излить душу. А на душе у многих его собеседников столько было разного, что описать не всегда возможно.

В этот день на скамейку присел мальчик по имени Ваня. На уроки он не пошёл и как неприкаянный слонялся по территории интерната. Занятия в школе вообще его мало привлекали, он их постоянно всячески избегал, игнорируя суровые требования учителей и воспитателей. На довольно симпатичном личике постоянно блуждала улыбка, чувство злости ему, видимо, было не присуще. В интернате он появился совсем недавно. Их привезли вместе с братом, и если брат сразу влился в коллектив воспитанников, то Ване это давалось с трудом. Он никак не мог смириться с распорядком дня, с теми требованиями, которые к нему предъявлялись. Он пытался бунтовать, что вызывало соответствующую реакцию у взрослых. За Ваней закрепилось прочное мнение, что он не способен ни к обучению, ни к воспитанию.

Читать нотации ему было бесполезно, поэтому Борисыч, как бы между прочим, спросил: «Ну, как дела?» Ваня стал рассказывать, что с трудом привыкает, что многое ему не нравится, и вообще, зря он оказался здесь, а вот дома... Дома было всё по-другому. Он знал, что от него требуется, как и что нужно сделать, чтобы не ругались мать и отец. Обо всём этом мальчик говорил с плохо скрываемой тоской.

- А что же ты делал дома? – спросил его Борисыч.

Ваня со знанием всех профессиональных тонкостей заготовщика угля для мангалов и каминов начал свой рассказ. Он отлично знал, сколько нужно берёзовых чурок для приготовления того или иного количества готового продукта. Сколько времени они должны находиться в топке, нужно ли их перемешивать, и когда можно считать их готовыми. По его рассказу, он отлично знал технологию этого производства.

- А как же часто тебе приходилось заниматься производством угля?
– поинтересовался Борисыч.

- Да почти всегда, если родители были пьяными.

Урок закончился. Из школы выбежали другие воспитанники. Со словами известной когда-то песни «Ах, зачем я на свет появился? Ах, зачем меня мать родила?» ушёл и Ваня. Борисыч ещё долго сидел на своей скамейке. Он не знал, что ответить.

Александр Павлов,
г. Андреаполь

• Пошла писать губерния

БЕЛЫЙ ТАНЕЦ

Ты меня на белый танец
Очень скромно пригласила.
На плечо мне положила
Осторожно свою руку.
И чуть слышно напевала
Про любовь и про разлуку.
Был тот танец бесконечен,
Словно жизнь остановилась.
Только мы под звуки вальса
Всё кружились и кружились.

Алекс Соколов,
г.Андреаполь

ЖЕНЩИНЕ

Как жизнь быстро пролетела,
Но дело даже не в годах,
Она состарить не сумела,
Блестит слезинка на глазах.

Случались радости и горе,
Порою плакала душа,
Но время лечит, и ты вскоре
Опять своей дорогой шла.

Всё без остатка раздавала
Друзьям, работе и семье.
Откуда столько силы брала,
Не ясно даже и себе.

Была любовь, как лучик солнца,
Что согревает нас зимой.
Об этом нынче у оконца
Приятно вспомнить ей самой.

Бегут года. Житейских будней
Других прожить ты не могла.
Горят на чистом небе звёзды,
Но ярче всех горит твоя.

Нина Семёнова,
г. Андреаполь

* * *

Печально море на закате солнца,
поет во тьме бегущая волна.
И только чайки, что кружат над морем,
бесспорно, знают то, о чем грустит она.
Грустит, быть может, о морских просторах,
о кораблях, ушедших далеко...
И той волне, что бьется у причала,
наверное, не очень-то легко.
Ей бы туда, где бороздят просторы
ушедшие из порта корабли...
Но ветер стих, и полный штиль на море,
не видно, убежавших волн вдали.

Но вдруг внезапно налетевший ветер
вмиг подхватил печальную волну,
как будто вспомнил, что оставил где-то
её бедняжку умирать одну.
И понеслась волна с судьбой не споря,
морские дали так знакомы ей.
Там далеко, в неведомых просторах
среди шумных волн поется веселей.

Лидия Подгорных,
г.Андреаполь

НЕЗНАКОМКА

Портрет твой висит на стене, уж не знаю, как долго.
Печален твой взгляд из-под черных бровей,
Не знает никто, как зовут тебя, знакомка,
И как отгадать, причину печали твоей.
Быть может, грустишь от того, что плохая погода,
А может, письмо не пришло, которое ждешь.
Ну, что же поделать, ведь в жизни бывают невзгоды,
Но ты лишь картина, и ты меня не поймешь.
С тобой по ночам я веду разговор откровенный,
Печалью и радостью только с тобою делюсь.
Тебя я найду, отыщу тебя непременно,
И ты улыбнешься, и сразу пройдет твоя грусть.

Евгений Фёдоров,
д. Луги

Следующие четверостишия сочиняли по заданным рифмам читатели на одном из библиотечных мероприятий, погружаясь в эпоху восьмидесятых годов. Среди них были врачи, учителя, рабочие, служащие. Одним словом, не поэты, а просто люди, любящие книгу. Творчество было коллективным. Вот так, наверное, и рождается русская частушка на злобу дня, аналогов которой нет в мире.

Стойко вынесли застой,
Не подорваны здоровьем
Держим курс на перестройку
Так же верно, как в запой.

* * *

Брошен клич нам: «Перестройка»!
Отменяется застой.
И от «стойко» - смело к стойке,
И от радости – в запой.

* * *

Трезвость – лозунг перестройки,
Пили много, мол, в застое.
Виноград, стоявший стойко,
Вырубам, как в запое.

* * *

Перестройка, перестройка,
Где прорыв, а где застой.
Чем сносить невзгоды стойко,
Лучше уж уйти в запой.

• Размышления о прочитанном

Все читают Полякова

Мода на Полякова в «Светлячке» началась с легкой руки Александры Петровны Хребтовой, посмотревшей в одном из московских театров «Козлёнка в молоке» - пьесу по его сценарию. По её словам, это были полтора часа непрерывного хохота до изнеможения. Актёры, заметив полностью погруженную в материал искреннюю в своём выражении провинциалку и признав в ней своего человека, некоторые реплики со сцены обращали прямо к ней, благо сидела она в первых рядах. Она же и представила впервые в нашем литературном клубе одно из его произведений, написанных уже в двухтысячные годы, – «Гипсовый трубочник», вещь серьёзную и даже с трагическим для одного из героев концом, изобилующую, тем не менее, лёгким юмором. Книжки Юрия Полякова стали активно брать в библиотеке.

Я, знакомая ранее с его творчеством лишь по повестям «Сто дней до приказа» и «ЧП районного масштаба», читанным ещё в восьмидесятые, взяла первое, что под руку попало. Это оказался роман «Грибной царь» с подзаголовком «Вся жизнь и 36 часов почти одинокого мужчины». Читала запоем. И не потому, что роман построен, как классический детектив. Просто многие мысли автора и его героев были созвучны моим. Поделиться впечатлениями захотелось ещё в процессе чтения.

Начну с того, что мне показалось главным: думаю, что автор в этом романе, по известному выражению Льва Николаевича Толстого, «любил мысль семейную». Семья Михаила Дмитриевича Свирельникова как раз из тех, которые «несчастливы по-своему». Читателю она предстаёт в период своего распада. Успешный бизнесмен, сорокапятилетний Генеральный директор фирмы «Сантехуют» после двадцати лет вполне дружной семейной жизни ушёл от верной и преданной жены, не желая быть обременённым постоянными обязанностями, уставший от её претензий, стремясь к личной свободе. «Свобода» уже маячила на горизонте в образе девятнадцатилетней сокурсницы его дочери. С ней он собирался строить «сначала» счастливую жизнь. Его совсем не смущало, что ставшая причиной его не очень серьёзной, но неприличной болезни Светка, из категории тех студенток, у которых «в голове и в промежности ветер, и вагинальный опыт катастрофически опережает жизненный». Главное, что её юное горячее тело возвращало и ему то молодое безумие, которого он уже не мог испытывать в отношениях с надёжной и близкой ранее по духу Тоней. Хотя в памяти Свирельникова то и дело всплывают приятные подробности жизни с бывшей супругой, хотя он понимает, что ему будет не хватать её тонкого ума и юмора, «сначала жизнь», намеченная уже с молоденькой Светкой, кажется ему важнее.

Потакать своим желаниям, переступать запреты не только в личных отношениях, но и в делах постепенно становится сутью личности Михаила Дмитриевича. Читатель проводит с этим «героем нашего времени» 36 часов его современной жизни. Постоянно погружается в его воспоминания, узнавая жизнь прошлую. Проходит с героем по борделям и нечестным партнёрским сделкам, подкрепляемым чемоданчиками с деньгами для взяток, до дня его самого низкого падения: момента, когда он без раздумий идёт на убийство, заказав свою бывшую жену, с которой, кстати, ещё не разведён, и своего бывшего друга.

Читатель вместе с самим Свирельниковым дивится, как вполне приличный парень, потом советский офицер, не злобный по натуре человек, разбогатевавший, мог так измениться: «И вправду ведь, подумал Свирельников, люди похожи на грибы: тоже всю жизнь накапливают в себе всякую дрянь, а потом вдруг становятся смертельно опасными. Ну, разве мог он десять, даже пять лет назад согласиться на то, что сделано этой ночью?! Никогда!»

Причём тут грибы, спросите вы? Дело в том, что Свирельников, не верящий ни во что: ни в Бога, ни в потусторонние силы, ни в какие идеалы, странным образом верит в притчу, услышанную в детстве. Как говорил его дед Благушин, существует в кимрских лесах Грибной царь – огромный белый гриб, который может исполнить самое заветное желание. По деревенским преданиям, были

(продолжение на стр. 15).

люди, его находившие, с которыми такое чудо приключалось. И вот в самый страшный момент, когда не очень-то мучающийся угрызениями совести и спокойно уехавший на грибную охоту для алиби директор «Сантехюта» вдруг осознаёт, что натворил непоправимое, он к этому грибу и ползёт в последней надежде: «Михаил Дмитриевич подполз к нему, как нашкодивший раб к ноге властелина, и его лицо оказалось вровень с огромной шляпкой, промявшейся местами, словно жёсть старого автомобиля.

- Пожалуйста! – прошептал он, даже не признаваясь себе в том, чего просит. – Ну пожалуйста! – повторил Свирельников и заплакал о том, что чудес не бывает, а дед Благушин вернулся с войны, конечно, не благодаря Грибному царю, а просто потому, что кто-то ведь должен возвращаться домой живым...»

Чудо происходит отнюдь не благодаря волшебному грибу, который от лёгкого прочувствованного прикосновения Михаила Дмитриевича распадается, превратившись в отвратительную кучу слизи, кишашую большими жёлтыми червями. Исполнитель заказа, бывший опер, а теперь работающий на таких, как Свирельников, отменяет убийство, в ходе расследования выяснив, что жена и бывший друг ни в чём не виноваты. К тому же он сообщает о неверности той, с кем Свирельников собирается начинать светлую «сначала» жизнь. Впрочем, Михаил Дмитриевич понял это уже и сам. «Из-за этого пустячного озорства он сразу и навсегда понял: Светкина жизнь никогда не станет частью его собственной жизни. На самом деле совершенно неизвестно, что там у неё в голове, да и не только в голове! С чего он взял, будто это его ребёнок? Что он вообще знает об этой студентке? Чем Светка занималась между их не такими уж частыми свиданиями? Училась? Возможно, но только чему?!»

Кроме основной сюжетной линии автором намечено множество побочных, с помощью которых читателю предстаёт сатирический портрет современного общества со всеми его бедами и пороками. Здесь и нынешний священнослужитель Труба, бывший в прошлом убеждённым атеистом и антирелигиозным пропагандистом, сегодня истово и искренне восстанавливающий сгоревший храм. И Тонина подруга Нина, утончённая филологиня, травящаяся таблетками, увидев свою правильно воспитываемую школьницу-дочь в очереди проституток, ожидающих своего часа, чтобы подзаработать. Даже преуспевающий бизнесмен Свирельников думает о сегодняшнем дне так: «Странно... Очень странно, но, сравнивая свою советскую, скудную, боязливую жизнь с нынешней, Михаил Дмитриевич, почти не сознавая себе в этом, приходил к выводу, что та, прежняя, была лучше, во всяком случае – справедливее и честнее. Бога не помнили, со свечками по храмам не стояли, а жили-то праведнее! Нет, это, конечно, не значит, что никто не лгал, не обманывал, не воровал. Ещё как! Но всё делалось словно бы вопреки и скрывалось, как дурная болезнь, от других и даже от себя. А теперь не жизнь, а какой-то публичный общенациональный конкурс на самый твёрдый шанкр!»

Или вот как тот же Михаил Дмитриевич рассуждает по поводу разросшейся сети московских ресторанов: «Обожрись! Никаких проблем! Иногда Свирельников ощущал даже некую закономерную противоестественность того, что страна с разогнанной армией, пустыми заводами и заросшими сорняком полями, растерявшая половину своих земель и неумолимо вымирающая, впала в эту обжираловку. Наверное, с полным желудком муки совести не так ощутимы».

Недавно из телепередачи по каналу «Культура» слышала, как удивлённые литераторы говорили о том, что самой популярной книгой сегодня стала «Несвятые святые», написанная архимандритом Тихоном (Шевкуновым). Людям надоела грязь окружающей действительности, читатели хотят видеть светлое хотя бы в литературе, - пришли они к выводу. Наверное, это действительно так. Но и книги Юрия Полякова, полные свежих афоризмов и едкой сатиры, показывающие жизнь такой, какова она есть, служат добру. Читая их, невольно примеряешься к его героям: чем ты от них отличаешься, всегда ли верно оцениваешь свои действия и поступки. И, верите, хочется стать чище.

• Молодые голоса
Юлия Алексеева

п. Бологово

УЖИН НА ДВОИХ

У плиты я стояла на кухне:
Борщ и мясо разогревала,
У соседей уж лампы потухли,
Ну, а я всё тебя поджидала...

Ты сказал, что к семи будешь дома,
Привезешь виноград и мартини.
Я поверила, дура, и снова -
Уж двенадцать. Одна я в квартире.

В восемь тридцать пришло сообщение:
«На работе ЧП. Опоздаю».
Прочитав его без удивленья,
Прошептала: «Ну, что ж, понимаю...»

В десять ты позвонил: «Подъезжаю».
Я на кухню, конфорки включила.
Ужин снова разогревая,
Быстро волосы подкрутила...

Час проходит. Звоню - не ответил.
Слезы сдерживаю едва ли.
Позвонил: «Извини, друга встретил,
Что такого? Чуть-чуть поболтали».

Уж без радости той изначальной,
Макияж слезами смывая,
Равнодушно, с улыбкой печальной,
Чертов ужин разогреваю.

Ближе к часу открылась дверь.
- Я ждала тебя, милый, очень!
- Ты прости, я устал, как зверь.
Есть не буду. Спокойной ночи.

* * *

Не секрет, что с каждым подчас
Всё случается, все бывает.
Это ясно. Но всё же, нас
Удивленья одолевают:
Почему любовь умерла?
А куда улетели чувства??
- Он во всём виноват!!
- Нет, она!!
Вот от этого, люди, и грустно...

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Я у окна стояла неподвижно,
Луч солнца осветил моё лицо.
Ты сзади подошёл почти неслышно,
Взял руку и вложил в неё кольцо.

В кулак зажал мою ладонь своею
И обнял меня крепко, чуть дыша:
- Хочу, чтоб стала ты женой моею.
Услышав это, замерла душа.

Порывом ветра форточка открылась,
Продуло спальню лёгким сквозняком,
Лицо моё в улыбке растворилось,
Хотела крикнуть: «ДА!» Но в горле ком.

Из глаз моих слезинки покатались,
А за окном - во всей красе рассвет...
Я так ждала, чтоб это всё случилось,
Но повернулась и сказала: «Нет!»...

* * *

В ветхий дом с погасшим камином
Мы с тобою тогда забрели.
Сердцем жарким поджег ты лучину,
Добывая искру любви.

На потухшем давно кострище
Запылала чувства огнем:
Моя юность была твоей пищей,
Твоя нежность - моим питьем.

Разгорелось яркое пламя,
Где вчера еще снег лежал,
Луч тепла проскочил между нами,
И весенний ручей побежал.

Стало прошлое вдруг настоящим
В ветхом доме, что был под снос,
Южный ветер потоком струящим
Мрак и холод на север унес.

Обнимай меня! Все не напрасно.
Я хочу этот миг продлить!
А когда наш костер будет гаснуть,
Не забудь в него масла подлить.